

А.К. Кулумбекова

АБРЕЧЕСТВО В СВЕТЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЕ XX В.

А.К. Кулумбекова*

Аннотация. В статье исследуются сущность, причины усиления и роль абречества в развитии межнациональных отношений в Терской области в начале XX в. Анализ абречества и борьбы с ним царской администрации помогают лучше понять причины усиления конфронтации терского казачества с горскими народами Терской области.

Ключевые слова: абречество, горские народы, терское казачество, межнациональные противоречия, аграрный вопрос, борьба властей с абречеством.

Абречество – сложный социальный феномен Кавказа, который в своем генезисе и истинной сути не знал аналога ни в одном регионе царской России [1, с. 107]. На территории Северного Кавказа наибольшее распространение это явление получило в Чечне, Ингушетии и Дагестане [1, с. 111]. В исторической литературе, анализирующей этот феномен, можно встретить по этому вопросу противоречивые оценки. В немалой степени это обусловлено существованием различных трактовок термина «абрек» в историографии. Исследователь обычного права народов Северного Кавказа Ф.И. Леонтович характеризовал абреков как изгоев, исключенных из семьи и рода, то есть вышедших из родовой зависимости и потому лишившихся покровительства и защиты рода [2]. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова абрек определяется следующим образом: «В период присоединения Кавказа к России: горец, участвовавший в борьбе против царской администрации и русских войск» [3]. Не вдаваясь в анализ трактовки указанного понятия, следует, однако, заметить, что термин «абречество» приобретает разные оттенки значения в зависимости от многих обстоятельств, например, времени, места действия, социальной среды, кому конкретно противостоял тот или иной абрек и т. д., являя, таким образом, реакцию одного и того же общественного института на меняющиеся исторические условия. Говорить об абречестве как явлении, обнаруживающем отчетливо выраженную преемственность, позволяют два основных параметра: особое положение абрека по отношению к основному ядру общества, которое можно определить как маргинальное, и ситуация необходимости мести, соответствующим образом выстраивающая поведение абрека по отношению к окружающему миру.

В отечественной историографии среди множества различных подходов, анализирующих сущность данного феномена, можно выделить

два основных направления. Странники одного из них существование абречества объясняют особенностями «горского феодализма», основанного на «набеговой системе» [4]. В 1990-е гг. эту точку зрения стали развивать в совместном фундаментальном исследовании по Кавказской войне осетинские историки-кавказоведы М.М. Блиев и В.В. Дегоев. Они увидели в абречестве «экспансию отсталых скотоводческих племен» горцев, стоящих на первобытной стадии «военной демократии», против более цивилизованных земледельческих жителей равнины [4]. Восстановлением набеговой традиции считает абречество начала XX в. и историк В.А. Матвеев, подчеркивая в то же время антироссийскую направленность в деятельности абреков как одно из проявлений сепаратизма, присущих незначительной части горских народов [5].

Другое течение, возобладавшее в отечественной литературе в последние десятилетия, видит в абречестве разновидность партизанской национально-освободительной борьбы. Его сторонники полагают, что именно «колониальные захваты царизма на Кавказе» вынудили горцев прибегнуть к ответным набегам. Такой точки зрения придерживаются, например, историки А.И. Хасбулатов, А.К. Джанаев, определившие абречество как разновидность крестьянского движения, направленного против социального и национального угнетения. Абреки, утверждают они, выступали против произвола беков, князей, царской администрации, защищали бедных крестьян [6].

Специфической формой социального сопротивления беднейших слоев населения во второй половине XIX – начале XX вв. называет абречество и В.Д. Дзидзоев, отмечая при этом, что сами абреки делились на несколько категорий: те, кто грабил всех, те, кто грабил богатых, и те, кто грабил своих притеснителей и обидчиков [7]. Причем все типы абреков могли

* Кулумбекова А.К. – старший преподаватель кафедры истории Северо-Кавказского горно-металлургического института (государственного технологического университета), kulumbekowa@yandex.ru.

сосуществовать в один и тот же исторический период.

Таким образом, сложность и противоречивость указанного явления доказывают необходимость его более глубокого и объективного изучения. Данная работа – попытка внести некоторый вклад в решение обозначенной проблемы путем исследования сущности и роли абречества в развитии межнациональных отношений в Терской области в начале XX в.

Аграрный вопрос в Терской области в указанный период, как известно, тесно переплетался с национальным. Сложившаяся здесь система землевладения служила перманентным источником борьбы между малоземельными горцами (пахотные участки горских народов в среднем равнялись 0,57 десятины на душу горца [8]) и казаками, гораздо лучше обеспеченными землей (рядовые казаки получали по 30 десятин земли на каждую мужскую душу [9]). Особенно острыми были казачье-вайнахские противоречия. «Межнациональная ситуация в области в любой момент могла перерасти в межнациональную войну» [10]. Не последнюю роль в этом сыграло абречество, для борьбы с которым власти активно прибегали к помощи казачества.

В начале XX в. абреческое движение в крае заметно активизировалось. Разбои в области не прекращались даже в периоды относительной политической и социальной стабильности. По мнению одного из исследователей данной проблемы Г.А. Колосова, «в отношении грабежей, разбоев и других преступлений против личности и имущества Терская область выделяется как по частоте их, так и по дикому характеру многих из них, и, наконец, по тому, что они обыкновенно проходят безнаказанно. Что разбои здесь так часты, как нигде, в этом легко можно убедиться хотя бы из местных газет, редкий номер которых не заключает в себе сообщения о каком-либо грабеже, а сплошь да рядом хроника преступлений занимает целые столбцы» [11, с. 31]. Так, например, в одном только 1910 г., считавшемся относительно спокойным, в Терской области было совершено 3 650 вооруженных нападений и грабежей [12]. Согласно статистическим данным, в начале XX в. серьезные преступления чаще всего совершались в Сунженском отделе, населенном преимущественно ингушами (Назрановский округ, населенный ингушами, был упразднен в 80-е гг. XIX в. и переведен в состав казачьего Сунженского отдела). На долю этого отдела приходилось 2/3 убийств, происходивших в области. По сравнению с Пятигорским отделом здесь убивали в 10 раз чаще [11, с. 35].

Высокий уровень преступности объяснялся в то время разными причинами. Комиссия Владикавказской городской думы основной причиной

грабежей со стороны горцев считала отсутствие у них достаточного количества земли [13]. Г.А. Ткачев, занимавшийся в начале XX в. вопросами казачества, придерживался иной точки зрения. «Следует выбросить всякую мысль о каком-либо намеренном угнетении русской государственности туземных народностей», – писал он, добавляя, что отсутствие успокоения в Терской области «кроется в самом характере ингушско-чеченского народа» [14, с. 7]. «Экономическая слабость горца, – продолжает Г.А. Ткачев, объясняя сущность абречества, – есть неизбежный результат его склонности к удалству и непривычки упорно работать. В то время как главнейшей работы в семье исполняет жена, туземец-хозяин находит слишком много времени, употребляемого не всегда с пользою» [14, с. 76]. Как видим, в позиции Г.А. Ткачева проявлялась характерная для того времени склонность искать объяснение существования абречества в том, что каждый горец по природе хищник.

Назначенный в июне 1906 г. начальником Веденского округа полковник В.С. Галаев, пытавшийся навести порядок на подведомственной ему территории, причины разросшихся разбоев, грабежей, а также абречества видел в «крайнем малоземелье и родовом духе, в котором продолжала консервироваться Чечня» [15]. «Родовой дух» служил «благодатной почвой для обычая кровной мести, которая как нигде больше культивировалась здесь как один из институтов саморегуляции общества» [1, с. 274]. «Родовой дух» определил нежелание населения оказывать помощь властям в поимке абреков и святое соблюдение им законов гостеприимства, даже если хозяин отлично знал, что гость – абрек. Именно из-за кровной мести стал абреком известный в Терской области в начале XX в. Зелимхан Гушмазукаев из горного аула Харачой. У Зелимхана было много кровников. Но месть им составляла только одну сторону его кровавых деяний. Не самым главным было и занятие грабежом. В прошении на имя председателя III Государственной думы от 15 января 1909 г. Зелимхан пояснил, что на путь разбойничества он встал лишь «вследствие несправедливого отношения властей» [16]. «Большую часть своей энергии и времени он отдавал борьбе с администрацией, а с весны 1909 года и военным отрядом, созданным для борьбы с абречеством и в первую очередь с ним» [1, с. 282]. Таким образом, в ряду преступлений Зелимхана имели место покушения и убийства представителей власти, налеты на успешных предпринимателей, взятие в заложники с последующим выкупом и грабежи (к примеру, ограбления Грозненской станционной кассы в январе 1910 г. и Кизлярского казначейства в марте того же года).

Царская администрация прибегала к самым изощренным мерам в борьбе с абречеством, которая приобрела масштабный и затяжной характер. Понимая, что неудачи во многом были обусловлены поддержкой населением абреков, власти жестко преследовали пособников, в роли которых чаще всего выступали близкие родственники, односельчане и даже просто соплеменники, недовольные властями. Строго наказывали и тех, кто предоставлял абрекам ночлег, или, как тогда говорили, «за ночепредержательство». Их ссылали в далекие края, на остров Чечень в Каспийском море, куда обычно отправляли самых зловещих преступников, сажали в тюрьму и т. д. независимо от степени участия в пособничестве. Как в центральных, так и в местных кавказских архивах имеются десятки и даже сотни дел о высылках сообщников абреков в отдаленные губернии Российской империи [17]. Писатель Дзахо Гатуев отмечал, что тюрьмы (высылке, как правило, предшествовал арест) были переполнены родственниками абреков «от грудного и до старческого возраста» [18].

Если же в пособничестве уличали целое село, хутор или аул, то они облагались огромным штрафом и там проводились массовые экзекуции и постой воинских отрядов, которые тяжелым бременем ложились на плечи сельчан. Жители селений, в которых были поставлены на экзекуцию отряды (чаще сотня или полсотни), обязаны были за свой счет содержать весь личный состав отряда и лошадей, кроме жалованья офицерам и строевым казакам. Вот как об этом говорится в приказе начальника военного отряда полковника Маргании от 17 октября 1910 г.: «Предписываю сотенным командирам требовать от населения на довольствие людей и лошадей нижеследующие предметы и в следующем размере: 1) мясо (говядина или баранина) по 1 фунту (409,5 грамма. – *Аем.*) на человека в сутки; 2) приправы и прочие продукты – применительно к раскладке казенного отпуска; 3) крупы и сала, для варки каши, согласно соответствующей раскладке в полку; 4) чайное довольствие тоже по расчету казенного отпуска; 5) фуража – 15 фунтов сена, соломы по 3 фунта на подстилку и 11 фунтов овса, а за неимением последнего – кукурузы» [19]. Еще более яркий пример – события октября 1911 г., связанные с нападением абреков на военный отряд в Ассиновке, что привело к наложению 100-тысячного штрафа на жителей Грозненского и Веденского округов для возмещения физического ущерба в виде погибших и раненых, после чего последовала экзекуция жителей сел указанных округов [20]. Нетрудно представить, чего стоили такого рода экзекуции, зачастую растягивавшиеся на несколько месяцев, как и в случае с приведенным примером:

согласно распоряжению главнокомандующего войсками Кавказского военного округа И.И. Воронцова-Дашкова, на основании рапорта, поданного начальником области А.С. Михеевым, упомянутая экзекуция была снята только в начале февраля 1912 г. [21, с. 1–2]. Анализ архивных документов позволяет утверждать, что подобного рода экзекуциям наиболее часто подвергались самые неблагоприятные с точки зрения властей округа, среди которых Грозненский, Веденский (выделился из Грозненского округа в 1906 г. в целях эффективной борьбы с революционными движениями и абречеством [1, с. 264]) и Назрановский. Кизлярский отдел и Хасавюртовский округ оказались в зоне средней активности разбойников. Примечательно, что Владикавказский и Нальчикский округа очень редко фигурируют в подобных документах как беспокойные: посягательств на чужое имущество, разбоев и грабежей здесь было значительно меньше, хотя населяющие эти округа преимущественно осетины, кабардинцы, балкарцы в массе своей были также бесправны и малоземельны. Однако отношения с казаками были не в пример лучше. «Объяснить этот феномен, – делает вывод Ю.В. Хоруев, – могут помочь, на наш взгляд, публицистика, историко-этнографические исследования тех лет, деловая переписка администрации, ее доклады в центральные ведомства империи, а также дневники и путевые записки государственных служащих и путешественников, в которых даются характеристики здешних народов. Из них следует, что эти народы двух указанных округов больше продвинулись в своем общем развитии и обладают несколько другой психологией и ментальностью, наиболее приоритетными ориентирами которых стали просвещение и общечеловеческая культура» [1, с. 288–289].

Таким образом, власти активно привлекали казаков к борьбе с абречеством. С целью искоренения его по области рассылались как войска на стационарные посты, так и карательные подвижные отряды. Постой воинских частей, именуемых в документах экзекуционными, предполагали не только довольственное содержание, различные повинности, денежные обложения, но и телесные наказания и даже откровенное насилие. Так, например, в 1910 г. при преследовании абреков, предводимых Зелимханом, был совершен погром нескольких ингушских аулов, заподозренных в укрывательстве разбойников [22]. Такие наказания несли не только пособники абреков, но и тысячи невинных мирных жителей, считавших виновниками происходящего, прежде всего, казачью администрацию и непосредственных исполнителей ее указов – казаков. «И чего бы не устраивать постоянные постой воинских частей в «туземных» селах, когда под предлогом

борьбы с преступностью и поддержания общественного порядка можно переложить их содержание с государства на плечи умиротворенного, этнически не принадлежащего к великороссам народа» [1, с. 236].

Среди прочих способов давления властей на местное население Терской области, осуществившихся под лозунгом борьбы с абречеством, было лишение селян права свободного выбора старшины, права, которого они с трудом добились благодаря революции 1905–1907 гг. Такая замена старшин широко практиковалась. В 1912 г., например, она была произведена в Грозненском и Веденском округах. По представлению начальника Грозненского округа приказом № 1 по области от 1 января указанного года были лишены на год права выбора старшин селяне, обвиненные в предоставлении укрытия абреку Зелимхану. На тот же срок в эти селения было назначено 18 правительственных старшин, большинство из которых были русские военные штрафники и «почетные туземцы». Приказом № 2 по Веденскому округу в 65 селах также были назначены правительственные старшины вместо выборных. Такая замена неугодных властям старшин более послушными была произведена в этих же округах и в 1913 г. (более чем в полусотне сел) [21, с. 111–112]. Таким образом, терская администрация ограничивала селян в избирательных правах, что никак не улучшало отношения к ней со стороны последних.

Одним из способов борьбы с абречеством, с грабежами и разбоями, «успокоения» края вообще, получившим наибольшее распространение в Терской области, было лишение горцев права ношения оружия. В то же время «местные власти, как то имело место в Грозном, раздали казакам и мещанам в целях самозащиты оружие» [23]. Подобное случалось не однажды [24]. Обезоруживание горцев (осуществлявшееся не без помощи казаков, армии или милиции) воспринималось ими как посягательство на жизнь и свободу, поэтому неудивительно, что подобные акции сопровождались зачастую жестоким сопротивлением со стороны владельцев оружия, хотя разоружение горцев велось под угрозой штрафов. В августе 1908 г. экзекуционная команда потребовала у жителей чеченского аула Цацан-Юрт сдать оружие или заплатить штраф в 500 руб. под угрозой повального обыска. Жители собрали около 7 тыс. рублей и выплатили их [25].

После убийства Зелимханом полковников Добровольского и Галаева (сменивших один другого на посту начальника Веденского округа) Кавказская администрация начала опасаться, что Зелимхан может стать новым Шамилем и поднять всех горцев против России. Поэтому по приказу кавказского наместника И.И. Воронцова-Дашкова начальник Терской области генерал

А.С. Михеев объявил 7 марта 1909 г. о создании «специального временно-охотничьего отряда» из двух тысяч человек под руководством войскового старшины Г.В. Вербицкого (родом из кубанских казаков) для поимки и уничтожения Зелимхана. Для отряда в канцелярии начальника области была выработана специальная «Инструкция», определявшая цели, состав отряда, а также полномочия его командира. В этой связи небезынтересной представляется оценка обстановки самим Г.В. Вербицким, который в одном из своих рапортов писал: «Нужно думать о спокойствии и «успокоении» края, а не о маневрах и обучении. У нас война» [26, д. 27, л. 167]. С целью скорейшего искоренения грабежей, разбоев и краж в пределах Грозненского, Веденского, Назрановского и Хасавюртовского округов и в сопредельных районах командиру отряда предоставлялись широкие полномочия. Однако отряд сразу же столкнулся с сопротивлением горцев, прежде всего в вопросе их разоружения. Так, 8 мая 1909 г. группа казаков окружила в поле нескольких ингушей с целью их разоружения. Горцы оказали сопротивление, и двое из них (Аушев и Гогиев) были убиты, после чего остальные сдали оружие [27, с. 65] (если жертвы были среди военнослужащих, то с горцев взимался особый штраф на удовлетворение семей убитых при перестрелке с абреками). В ингушском ауле Сурхохи после обыска отрядом домов горцев последним было навсегда запрещено иметь какое-либо оружие [27, с. 66]. 15 мая 1909 г. отряд Г.В. Вербицкого начал разоружение чеченцев на базаре в Гудермесе. Горцы и на этот раз оказали сопротивление, в результате трое чеченцев были убиты, а 10 – ранены. Подобные столкновения отряд имел и в Назрановском округе, и в Грозном, и у Кизляра, и в Нальчикском округе [28].

Запрет на ношение оружия налагался и на целые села, зарекомендовавшие себя как неспокойные. Так, например, в период с 1893 г. (начиная с приказа, изданного тогда начальником Терской области генерал-лейтенантом С.В. Кахановым) и по 1909 г. права ношения оружия были лишены 66 селений, причем большая часть из них приходилась на Грозненский, Веденский, Назрановский и Хасавюртовский округа [26, д. 19, л. 395]. Обезоруживание горского населения, как было отмечено, нередко заканчивалось кровопролитным столкновением, что не только не подавляло антирусские настроения горцев, но заметно подогревало их.

Отряд Г.В. Вербицкого действовал до середины декабря 1909 г. 18 декабря того же года Г.В. Вербицкий был назначен атаманом Кизлярского отдела. Вскоре был сформирован новый военный отряд, во главе которого был поставлен полковник Веселовский – командир 253-го Грозненского резервного батальона. Для более полной

характеристики обстановки в различных округах и отделах Терской области показательна ведомость о деятельности этого отряда за полугодие с 19 декабря 1909 г. по 19 июня 1910 г. По вызову центральной администрации с разрешением применять оружие команда выезжала: в Моздокский отдел – 2 раза, Нальчикский округ – 3, Сунженский отдел – 11 раз, Грозненский округ – 31, Назрановский округ – 90. Пятигорский отдел отряда вообще не вызывал [26, д. 11, л. 140].

Усилия администрации и военного отряда постепенно дали свои результаты. 1 марта 1911 г. ночью в ауле Старые Атаги команда казаков убила ближайшего сподвижника З. Гушмазукаева – АюбаТомаева [29]. 1912 и следующий 1913 гг., как свидетельствуют архивные документы, не отличались особой активностью знаменитого абрека и его сподвижников, которые были существенно потеснены и ограничены в своих действиях. А осенью 1913 г. убили и самого Зелимхана: его настигла казачья пуля отряда поручика Кибирова [1, с. 455–456]. Зелимхан почитал горцев, отличившихся в Кавказской войне, мечтал об изгнании российской колониальной власти, но оказался неспособен на большее, нежели убийства и разбои представителей администрации.

Шаги, предпринимаемые властями с целью победить абречество, ужесточали жизнь горцев, чем вызывали их глубокую ненависть и к администрации, и к казачеству. В октябре 1910 г. начальник области А.С. Михеев распорядился: «... объявить туземцам мое категорическое запрещение: а) ездить по полевым и хозяйственным дорогам в пределах станичных юртовых наделов, исключая случаи, когда пользование этими дорогами вытекает из арендных условий; б) выезжать кому бы то ни было из туземцев в ночное время в станицы» [14, с. 104]. Более того, коррупция и казнокрадство в силу присутствия на властных местах в крае «худших элементов» играли здесь свою отрицательную роль.

Еще одним действенным способом борьбы с абречеством стало расформирование Терской постоянной милиции и создание Терской охранной стражи. Чеченский историк Х. Ошаев так комментировал эту инициативу администрации области: «Этим мероприятием горская администрация привлекла к себе в помощь кровников абреков, которые служили не за страх, а за совесть, точно так же, как и казаки, влитые в состав стражи...» [30]. В приказе А.С. Михеева от 18 апреля 1909 г. говорилось о комплектовании последней почти исключительно русским элементом из отставных казаков и запасных нижних чинов, а набор горцев в стражу не мог превышать 10 % ее штата [27, с. 73]. Тем не менее попавшие туда из личных интересов кровники вместе с казаками сумели значительно ослабить абречество к 1914 г.

Таким образом, борьба властей с абречеством не была безрезультатной: ряды абреков редели. Но для полной победы над этим злом одних карательных мер было недостаточно. Средства, используемые представителями царской администрации, еще более озлобляли горские народы, усиливая их враждебность как по отношению к властям, так и по отношению к казачеству, активно привлекаемому к этой борьбе. Известный чеченский революционер А. Шерипов, не понаслышке знавший об абреках, писал: «Несоответствие русского суда и обычного права горцев, преступная администрация Кавказа и общая политика притеснения заставили многих сильных личностей из чеченцев (и вообще кавказцев) становиться на нелегальное положение. Их продолжали преследовать и для успешной борьбы с вредными элементами ввели систему «круговой поруки». От этого возмутительного акта страдали уже лица, имевшие несчастье быть родными или просто односельчанами «преступника»... Это создавало новые кадры озлобленных людей, решавшихся на все... И вот начиналась месть начальству: абреки убивали административных лиц, грабили почту, казначейства..., а власть еще пуще налегала на мирное население... Власть терроризировала местное население, а абреки терроризировали власть» [31]. Было бы опрометчиво утверждать, что власти не понимали глубоких истоков абречества. Комиссия Владикавказской городской думы (речь о ней отчасти шла выше), рассматривая вопрос о причинах грабежей и разбоев во Владикавказе, пришла в 1906 г. к следующему заключению: «Поставленное вне действия общих законов, систематически преследуемое войсковым сословием, которому покровительствовали власти, туземное население разоряется, дичает, озлобляется и деморализуется, проявляя изредка недовольство в диких формах кровавого мщения или мятежа...» [32]. Необходимы были другие меры, о чем и писал известный осетинский общественный деятель А.Т. Цаликов: «Если бы русская власть на Кавказе взяла на себя труд разобраться в социальной природе кавказского разбойничества или даже поняла бы психологию кавказского разбойника, – то она решительно, раз навсегда, отказалась бы от каких бы то ни было репрессивных мер по отношению к туземному населению, – мер, обрушивающихся исключительно на мирное трудовое горское население, так как абреки оказываются всегда за пределами досягаемости, и она бы выдвинула на первый план меры социально-правового, экономического и культурно-просветительного характера» [33], обратив особо пристальное внимание на решение самого злободневного на тот момент вопроса – земельного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хоружев Ю.В. Абреки на Кавказе. Издание 2-е. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011.
2. Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев: материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. I. – Одесса, 1882. С. 359–360.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: Советская энциклопедия, 1960. С. 15.
4. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. – М.: Росет, 1994.
5. <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35847> (25.01.2015)
6. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – М.: Наука, 1988. С. 416–417.
7. Дзидзоев В.Д. Зарождение и развитие правовой мысли и общественно-политических процессов в Осетии во второй половине XIX века. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2008. С. 150–151.
8. Цаголов Г.М. Край беспросветной нужды. – Владикавказ, 1912. С. 258–259.
9. Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. 3-е издание – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2000. С. 96.
10. Дзидзоев В.Д. Национальная политика: уроки опыта. 3-е издание. – Владикавказ: «Иристон», 2002. С. 61.
11. Колосов Г.А. Условия жизни населения Терской области с точки зрения нервно-психической гигиены. – М., 1909. С. 31.
12. Горская жизнь. 1917. 4 сентября.
13. Труды комиссии Владикавказской городской думы для рассмотрения вопросов о причинах грабежей и разбоев во Владикавказе. – Владикавказ, 1906.
14. Ткачев Г.А. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Издание Общества любителей казачьей старины. – Владикавказ, 1911.
15. Гатуев Дз. Зеллихан. – Орджоникидзе, 1965. С. 61.
16. Алиев У. Очерк исторического развития горцев Кавказа и чужеземного влияния на них ислама, царизма и пр. – Ростов-н/Д., 1927. С. 110–111.
17. См., например: ЦГА РСО-А. Ф. 54. Оп. 8. Д. 203. Л. 2–3; Оп. 2. Д. 267. Л. 17–18; Оп. 3. Д. 389. Л. 1 об.; Ф. 12. Оп. 3. Д. 359. Л. 1 об., Л. 8.
18. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1190. Л. 23.
19. Там же. Ф. 54. Оп. 4. Д. 4138. Л. 63.
20. Там же. Ф. 12. Оп. 8. Д. 374. Л. 9–10.
21. Библиотека ЦГА РСО-А. Инв. 732.
22. Мартиросиан Г.К. Нагорная Ингушетия: Социально-экономический очерк // Изв. Ингуш. науч.-исслед. ин-та краеведения. – Владикавказ, 1928. Вып. 1. С. 56.
23. Цаликов А. Кавказ и Поволжье. – М., 1913. С. 88–89.
24. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 67154. Л. 6-6 об, 9 об.
25. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. – Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1967. С. 200.
26. ЦГА РСО-А. Ф. 106. Оп. 1.
27. Колосов Л.Н. Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября (1907–1917 гг.). – Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1968.
28. Дунюшкин И.Е. Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе (1905–1917 гг.) // Дисс. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 1996. С. 130–131.
29. Гриценко Н.П. Классовая и антиколониальная борьба крестьян Чечено-Ингушетии на рубеже XIX–XX веков. – Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1971. С. 96.
30. Ошаев Х. Очерк начала революционного движения в Чечне. – Грозный, 1927. С. 7–9.
31. Революция и горец. – 1931, № 1–2. С. 70.
32. Корнев Д.З. Революция на Терке. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское кн. изд-во, 1967. С. 19.

BRIGAND'S MOVEMENT IN TERMS OF INTERETHNIC RELATIONS IN TERSKY REGION IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

A.K. Kulumbekova

Senior lecturer of Chair of history of the North Caucasian Institute of Mining and Metallurgy (State Technological University) (kulumbekowa@yandex.ru)

Abstract. The article studies the essence, reasons of escalation and the role of brigands in the development of interethnic relations in Tersky region in the beginning of the XX century. The brigand's movement analysis and the authorities struggle against it help to realize the confrontation growth reasons between mountain peoples and Cossacks.
Keywords: brigand's movement, the Caucasian mountain peoples, Tersky Cossacks, ethnic conflict, agrarian question, the authorities struggle against brigand's movement.

